

Раиса Бараш

Разделенный русский народ или разделенная советская нация?*

В русскоязычном информационном пространстве на протяжении почти двадцати лет появляются материалы, содержащие тезис о разделении после распада Советского Союза русского народа. Более того, подобный тезис включен в программы КПРФ и ЛДПР¹.

Интенсивное медийное ретранслирование идеи о «разделении русского народа» результировало в укорененность в общественном сознании россиян узкоэтнического понимания категории «соотечественник» – о чем свидетельствуют результаты опроса ВЦИОМ: большинство опрошенных (40%) считают соотечественниками русских, проживающих за пределами Российской Федерации. Всех граждан бывшего СССР своими соотечественниками полагает треть респондентов (33%), и только 22% согласны с определением соотечественников как всех, кто говорит на русском языке и идентифицирует себя с русской культурой, независимо от национальности и места проживания, еще по 3% заявили, что вкладывают в категорию «соотечественник» собственный смысл или затруднились ответить².

* Статья была ранее опубликована в *Вестнике Российской нации* (2011. Т. 15. № 4-5).

¹ Затулин К.Ф. Русские – разделенный народ // *Российская Федерация сегодня*. 2007. № 14. http://www.russia-today.ru/2007/no_14/14_topic_1.htm; Торбасов О.В. «Русские... и китайцы - самые крупные "разделенные" народы». <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1098519840>; Русские граждане Украины – представители разделенного русского народа. <http://www.russedina.ru/frontend/heading?id=13456>; Зюганов Г.А. Русские – самый крупный разделенный народ в мире. <http://www.rossija.info/aktuel/1337173/>; «Распад СССР и русский вопрос. Кто виновен в том, что русские стали разделенным народом?» <http://www.win.ru/civil/1518.phtml>; «Мы выходим на борьбу за восстановление единства разделенного Русского народа» (из статьи В. Хомякова «Как организовать "русский прорыв" на Украине». <http://narodsobor.ru/default.asp?trID=378&artID=3347>); «Русские являются разделенным народом, и необходимо добиваться признания и закрепления этого статуса на международном уровне» (из материалов Конференции российских соотечественников в Душанбе «"Невостребованное право" и разделённый русский народ». <http://www.russians.kz/compatriot/994545-konferencija-rossijskikh-sootchestvennikov.html>; «Русские стали самым крупным разделенным народом в мире» (из выступления Г.А. Зюганова на XIII съезде КПРФ (http://kprf.ru/party_live/61565.html), «Росфедерация перестала быть центром большого русского мира, русский народ оказался самым большим разделённым народом на планете» (из доклада Л.Г. Ивашова «Идеология, задачи и стратегия союза русского народа» на съезде СРН. <http://www.rusprav.org/2006/new/125.htm>); «Русские – государственнообразующий народ, но он стал самым большим в мире разделенным народом» (из выступления председателя подкомитета Государственной Думы В.С. Никитина по проблемам беженцев и вынужденных переселенцев Комитета по делам СНГ и проблемам соотечественников).

² Результаты опроса ВЦИОМ, проведенного 8–9 июля в 46 регионах России. 24.07.2006. <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/12719.html>.

С момента распада Советского Союза русская диаспора стала «одним из наиболее актуальных аспектов, влияющих на политическое развитие постсоветских государств, особенно Российской Федерации»³. По словам Н.П. Космарской, «кто бы ни высказывался по темам, связанным с постсоветскими странами, будь то геополитика или экология, нефтедобыча или опасность терроризма, при "выруливание" сюжета на "соотечественников" десять шансов против одного, что говорящий или пишущий, нередко известный специалист в своей области, упомянет о "русской диаспоре"»⁴. Традиционно подразумевается, что в сообщениях такого рода речь идет об этнических русских, консолидировано считающих своей Родиной Россию и массово стремящихся стать ее гражданами. «Русской диаспоре» приписываются характеристики этнической однородности, преобладание этнической идентичности и острое чувство единства с «российскими русскими», предполагается, что «русские ближнего Зарубежья» консолидированы и активно участвуют в институтах самоорганизации. П. Колсто указывает, что в таком контексте русские позиционировались не только как крупнейшая группа-меньшинство, но и как политически значимая группа⁵.

Хотя сторонники идеи о разделении русского народа аргументированно⁶ отстаивают свою точку зрения, тезис, что после распада СССР за пределами своей цивилизационной Родины оказались только этнические русские, представляется не вполне корректным. Более обоснованной представляется суждение, что в 1991 г. произошло разделение советской нации, и в общественно-политическом пространстве произошла аберрация понятий, когда полиэтничной по сути нации стали приписываться характеристики моноэтнического русского народа.

О некорректности сведения к этническим русским всех, оказавшихся после распада СССР вне своего цивилизационного отечества, говорят многие исследователи. Н. Мелвин для обозначения групп, объединенных не этничностью, но мировоззренческой близостью, использует термин «обрусевшие переселенческие сообщества»⁷. Р. Брубейкер говорит о возникновении в результате «миграции границ» в 1991 г. «диаспор катаклизма», объединенных ощущением культурно-цивилизационной общности⁸. Н.П. Космарская полагает, что «русские» – «кодовое название для обозначения всей совокупности этнических групп, являвших-

³ Melvin N. *Russians Beyond Russia: The Politics of National Identity*. L., 1995. P. 27.

⁴ Космарская Н.П. Дети империи в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992-2002). М., 2006. С. 476.

⁵ Kolsto P. *Political Construction Sites: Nation-Building in Russia and the Post-Soviet States*. Boulder, CO, 2000. P. 82.

⁶ Рогозин Д.О. «Русский вопрос» и его влияние на национальную и международную безопасность: автореферат дис. кандидата философских наук. М., 1996.

⁷ Melvin N. *Russians: Diaspora and the End of Empire // Nations Abroad: Diaspora and National Identity in the Former Soviet Union / Ed. N. J. Melvin*. Boulder, CO, 1998. P. 27.

⁸ Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинками (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) // *Диаспоры*. 2005. № 3. С. 24.

ся в разные периоды проводниками имперской политики»⁹. Носителями такой идентичности могут быть не только этнические русские, но и любые члены русскоязычного сообщества, а точнее, представители «европейских» этнических групп, объединенные общностью исторической судьбы и тех ролей, которые они играли при этнокультурных контактах с титульными группами. В. Тольц указывает, что оказавшаяся разделенной группа включает всех, для кого российская социальная, культурная и языковая среда есть жизненно необходимая форма существования¹⁰.

Для демонстрации численности «русских за рубежом» традиционно приводятся данные Всесоюзной переписи 1989 г., в соответствии с которыми русскими себя определили 25 млн. человек, проживающих за пределами РСФСР¹¹. Эти 25 млн. автоматически «записываются» в разряд оставшихся за пределами России русских, но данный показатель скорее демонстрирует число «русских по паспорту», указавших в ходе переписи свою формальную паспортную национальность, и не является репрезентативным для определения численности фактически «лояльных русской идентичности». Другой вопрос, что среди 25 млн. формально «русских» действительно были те, кто, по словам Директора Института Русского зарубежья С. Пантелеева, ощущал свою причастность к русской культуре, русской традиции, русской истории, российской государственности, не являясь русским «по крови»¹², особенно учитывая распространенность межнациональных браков в Советском Союзе. Однако точное количество таких «инициативных русских», оказавшихся в 1991 г. за границами зоны проживания цивилизационного большинства, определить довольно сложно.

П. Колсто полагает некорректным сведение возникших на территории постсоветских республик общностей к «русским» в этническом понимании, поскольку «русская идентичность» в каждой постсоветской республике ощущается своеобразно: русские Прибалтики в 1970-е гг., Центральной Азии в начале 1990-х четко отличали себя от «материковых русских»¹³. Среди населения бывших советских республик П. Колсто выделяет несколько групп «условно русских»:

1) «русские по документам», считающие себя культурно отличными от «российских русских»;

⁹ Космарская. Дети империи в постсоветской Центральной Азии ... С. 406.

¹⁰ Tolz V. Forging the Nation: National Identity and Nation - Building in Post-Communist Russia // Europe-Asia Studies. 1998. No. 6. Vol. 50. P.995-996.

¹¹ Всесоюзная перепись населения 1989 г. Национальный состав населения по республикам СССР. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php.

¹² Пантелеев С.Ю. Русские в России и за рубежом: один народ, разные судьбы? / Русская идентичность на постсоветском пространстве / Под ред. С.Ю. Пантелеева. М., 2008. С. 9.

¹³ Kolsto P. The New Russian Diaspora – An Identity of Its Own? Possible Identity Trajectories for Russians in the Former Soviet Republics // Ethnic and Racial Studies. 1996. Vol. 19. No. 3. P. 608-639. <http://folk.uio.no/palk/identity.htm>. Последнее посещение 26.10.2009.

2) участвующие в социальной и политической жизни государств проживания, но сохраняющие «русскость» (как многие «русские» Прибалтики, например, Нил Ушаков);

3) сформировавшиеся под влиянием нескольких этнических групп при доминировании русской культуры;

4) «синдром Приднестровья» – ориентирующиеся на русскую культуру и историю, но стремящиеся к созданию независимого государства;

5) потомки русских иммигрантов;

6) сторонники ирредентизма.

Схожа позиция А.Г. Здравомыслова: «русские в самой России, в Эстонии, в Казахстане и на Украине, во Франции и США ощущают свою русскость по-разному»¹⁴. Таким образом, предложенная П. Колсто классификация условно русских и суждения А.Г. Здравомыслова также фиксируют идею о неоднородности «русских» Зарубежья и то, что далеко не все из них стремятся к воссоединению с Россией.

Многие говоря о русских постсоветского пространства прямо подразумевают языковую и культурную, а не этническую общность – «объективно русские это те, кто воспитаны в русской культуре»¹⁵. В свою очередь, секретарь правления Союза писателей России, руководитель Русской писательской организации Эстонии В.Н. Илляшевич полагает, что «на самом деле понятие "русский" куда более корректно даже в применении к людям нерусским по крови, по этническому происхождению, но причисляющим себя к носителям русского языка и культуры»¹⁶. Тем не менее, учитывая актуализацию именно этнического национализма среди различных народов современной России принятие широкой, надэтнической трактовки категории «русский» невозможно.

Распространение «широкого» понимания категории «русский», в том числе и на постсоветском пространстве, обусловлено постепенным приобретением категорией «русский» гражданского смысла, превращением в синоним категории «советский». Причиной этому, с одной стороны, стало встречавшееся до середины XX в. представление о русских как совокупности великороссов, малороссов и белорусов – даже П.А. Сорокин писал о том, что «русская нация состоит из трех основных ветвей русского народа – великороссов, украинцев и белорусов, а также из "русифицированных" или ассимилированных этнических групп, вошедших в состав дореволюционной Российской империи и современного Советского Союза»¹⁷. Кроме того, по словам З.В. Сикевич, в дооктябрьский период любой «инородец», принявший православие, становясь «выкрестом», формально по до-

¹⁴ Здравомыслов А.Г. Социология: теория, история, практика. М., 2008. С. 280.

¹⁵ Кара-Мурза С.Г. Кто такие русские. М., 2010. С. 5.

¹⁶ Илляшевич В.Н. Русские, русскоговорящие, русскоязычие... // Информационный портал Русской общины Эстонии. http://baltija.eu/send.php?news_id=1040.

¹⁷ Сорокин П.А. О русской нации: Россия и Америка. Теория национального вопроса. М., 1992. С. 24.

кументам становился русским – иными словами, этнический статус можно было изменить, переменяв веру, и «русскость» попадала в ранг уже не аскриптивных, а достигаемых характеристик¹⁸. В Российской империи до революции 1917 г. в метрических книгах и паспортах графу «национальность» в паспорте заменяла графа «вероисповедание». Но если перепись 1897 г. фиксировала конфессиональную принадлежность и родной язык, то в ходе первой общесоюзной переписи 1926 г. вместе с родным языком указывалась «национальность», что на тот момент давало свободу для этнической самоидентификации. С другой стороны, формирование единой гражданской общности в Российской империи, а затем и в Советском Союзе проводилось посредством переселения на осваиваемые территории этнических русских, что сопровождалось формированием культурно-мировоззренческого сознания социума, базирующегося преимущественно на русской культуре. Например, в резолюции 12 съезда РКП(б) (17–22 апреля 1923 г.) прямо говорилось, что преодолеть неравенство развития республик и народов «(...) можно лишь путём действительной и длительной помощи русского пролетариата отсталым народам Союза»¹⁹.

Идентичность русских в досоветский период, по словам Н. Мелвина, поддерживалась как идентичность мотора колонизации, а их русификаторские усилия были ориентированы не на этническую ассимиляцию, а на воспитание чувства общности с российским государством. После революции 1917 г. русско-советская культура использовалась в качестве идеологической опоры режима, а не «вместилища» русского этнического сознания²⁰. Поскольку «переселенческие сообщества» на периферии формировались как многонациональные и преимущественно индустриально-урбанистические, их идентичность «определялась в основном в социокультурных, нежели этнических категориях»²¹. В общественно-политическом контексте советской России 1930-х гг., как говорит Т.Д. Соловей, слово «русский» выступало синонимом «советский», «социалистический», «глубоко интернациональный». В начале сталинского правления проводилась идея об общей идентичности «советского человека», сочетавшаяся с идеями мессианского социализма и имперского мышления²². Однако после Великой Отечественной войны (уже 24 мая 1945 г. в «Речи Победы») И.В. Сталин открыто декларировал, что русский народ «является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза»²³. Д. Бранденбергер, предприняв подробное исследование процесса и механизмов русификации в Советском Союзе, отмечает,

¹⁸ Сикевич З.В. О соотношении этнического и социального // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 2. С. 78.

¹⁹ 12-й съезд РКП(б) (17-22 апреля 1923 года): Стенографический отчет. М., 1968. С. 694

²⁰ Melvin. Russians: Diaspora and the End of Empire. P. 27-34.

²¹ Ibid. P. 54.

²² Hosking G. Rulers and Victims: The Russians in the Soviet Union. Harvard, 2006.

²³ Речь И. В. Сталина на приеме в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца 24 мая 1945 по случаю победы СССР над Германией // Краткий Философский словарь. Под ред. М. Розенталя и П. Юдина. М., 1952. С. 376.

что девиз сталинской политики в конце 1940-х можно сформулировать как «советская история – это история русского народа плюс миф войны»²⁴. Хотя «официально считалось, что опыт войны пережит всем советским народом, но крупнейшие авторитеты в области идеологии чаще всего отзывались о нем как о "русском"»²⁵. Особенно эта тенденция усилилась в период Великой Отечественной войны – в 1942 г. А. Верт писал, что «никакого разграничения между советским и русским больше не существует» и даже интернациональные по сути события (например, подвиг 28 панфиловцев) получали руссоцентристское освещение²⁶. В 1960–1980 гг. русские стали ядром того нового социального образования, которое называли «советский народ – новая историческая общность людей»²⁷.

Перефразируя О. Бисмарка, можно сказать, что учитель русского языка создал советскую нацию, или сослаться на Б. Андерсона, писавшего о возникновении нации вследствие распространения печатного слова. По мнению С.С. Савоскула, сегодняшнее воплощение Российской Федерацией советского прошлого есть следствие восприятия РСФСР в качестве центральной части союзного государства, а русских, вернее русскоязычных носителей советской культуры, главными партнерами титульных этносов союзных республик²⁸. Говоря словами Н.А. Нарочницкой, русский народ воспринимался основателем и стержнем российской государственности²⁹. Однако самим русским отводилась роль не столько интегрирующей, сколько интегрирующейся силы – несмотря на неоднократно поднимавшийся вопрос, не только В.И. Ленин и С.С. Каменев в 1922 г., И.В. Сталин и Л.Д. Троцкий в 1923 и 1925 гг., Сталин, Л.П. Берия и Г.М. Маленков в 1949 г., но и М.С. Горбачев в 1980-е гг. выступали против создания компартии РСФСР и выделения в качестве союзной условной «Русской республики» (М.С. Горбачев на Политбюро прокомментировал такую перспективу словами: «Тогда конец империи»³⁰). Бранденбергер связывает с «русским вопросом» даже «Ленинградское дело», полагая, что партийная чистка конца сталинской эпохи во многом была обусловлена именно недовольством И.В. Сталина намерением Ленинградской партийной организации создать Российскую коммунистическую партию. Хотя А.И. Вдовин интерпретирует нежелание советского руководства создавать Русскую республику в конспирологическом контексте – боязнью, что ее русское руководство «могло спутать все карты анациональных интернационалистов, закрепившихся у власти в столице, и формирующихся национальных элит в союзных

²⁴ Бранденбергер Д. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931-1956). СПб., 2009. С.226-227.

²⁵ Там же

²⁶ Werth A. Moscow War Diary. N.Y., 1942. P. 102.

²⁷ Соловей Т.Д. Русское и советское в современном самосознании русских (к постановке проблемы) // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. Сб. статей / Под ред. М.Б. Олкотт, В.А. Тишкова и А.В. Малашенко. М., 1997. С. 351.

²⁸ Савоскул С.С. Новая русская диаспора и Россия: этнополитический аспект отношений // Этнографическое обозрение. 1996. № 2. С.114.

²⁹ Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2005.

³⁰ Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. М., 1993. С. 279.

республиках, поскольку интересы русской власти, как говорится, не всегда могли совпадать с другими интересами»³¹, более вероятным представляются опасения И.В. Сталина, что создание РКП(б) и Российской республики лишит ВПК(б) не только руссоцентристских лозунгов и, возможно, доминирующего положения, но и приведет к центробежным тенденциям в государстве.

По мнению Бранденбергера, «постоянно прославляя русских людей, Сталин не был русским националистом и всегда выступал против любых попыток России добиться самоуправления. Русский народ нужен был ему как "руководящая" сила советского многонационального общества, его стеной хребет»³². И, как верно заметил И.А. Зевелёв, в течение нескольких веков российская элита была в большей степени заинтересована в расширении границ империи, нежели в укреплении национального самосознания³³. В этом отношении весьма показательным эпизодом, приводимым А.И. Вдовиным в книге *Русские в XX веке*. Когда 20 марта 1934 г. на расширенном заседании Политбюро встал вопрос об учебнике истории, на вопрос А.С. Бубнова о том, какой учебник нужен – *Истории СССР* или *Истории народов России*, И.В. Сталин заявив, что необходим учебник *Истории СССР*, поскольку «русский народ в прошлом собирал другие народы. К такому же собирательству он приступил и сейчас»³⁴, сформулировав таким образом представление советского руководства о роли русского народа.

Не имея собственной национальной республики внутри Союза и одновременно являясь носителями идентичности большинства, русские воспринимали своей родиной всю страну – по данным опроса, проведенного в Москве в 1989 г., большинство (70%) тех, кто считал себя русским, своей Родиной осознавали весь СССР, в то время, как в РСФСР свою Родину видели лишь 14% опрошенных³⁵; опрос ВЦИОМ в 18 городах 10 союзных республик в декабре 1990 г., за год до распада СССР, свидетельствует, что 70–80% респондентов, определивших себя русскими, считали себя в первую очередь гражданами Советского Союза³⁶ (надо учитывать и то, что, несмотря на имперскую сущность Союза, символическим центром была Москва, а не РСФСР). Дж. Хоскинг отмечает, что РСФСР в качестве Родины воспринимали немногие русские – это была лишь территория, оставшаяся после создания прочих союзных республик³⁷. Но здесь четко нужно понимать факт самоопределения респондентов себя русскими – в советский период атрибут «русский» обладал сравнительно большей символической ценностью по

³¹ Вдовин А.И. Разрушение общности советских народов и русская нация. <http://www.portal-slovo.ru/history/41258.php>.

³² Бранденбергер. Национал-большевизм ... С.401.

³³ Зевелёв И.А. Будущее России: нация или цивилизация? // Россия в глобальной политике. 2009. № 5. С. 90.

³⁴ Вдовин А.И. Русские в XX веке. М., 2004. С. 72.

³⁵ Русские: этносоциологические очерки / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М., 1992. С. 400.

³⁶ Там же. С. 415.

³⁷ Hosking G. Rulers and Victims: The Russians in the Soviet Union // History Today. 2006. Vol. 56. Iss. 4. <http://www.historytoday.com/MainArticle.aspx?m=31575&amid=30229744>.

сравнению с прочими национальностями, что обусловило значительный энтузиазм советских граждан при определении своей национальности в качестве русских, при том, что фактическая идентичность могла быть русской очень условно. В частности, в Советском Союзе были весьма распространены межнациональные браки, в первую очередь, между русскими и представителями титульного большинства национальных республик: в 1989 г. в Средней Азии доля таких браков составляла 11,8% от числа всех межнациональных браков, 24% – в Казахстане, 22,9% – в Молдове, 32% – в республиках Балтии, 25,1-53,7% – в Закавказье, 57-74,7% в Белоруссии и на Украине³⁸. По данным Р. Брубейкера, многие дети от подобных браков, самоопределяясь в качестве русских, тем не менее являлись носителями своеобразной идентичности, часто отличной от «русскости ядра»³⁹. Дж. Хоскинг приводит данные, что дети из смешанных браков в РСФСР, получая первый паспорт, чаще всего записывались русскими, в то время как в союзных республиках, за исключением Украины и Белоруссии, предпочтение отдавалось национальности родителя – представителя титульной этногруппы⁴⁰. В свою очередь, по наблюдению А.А. Сусоколова, дети от браков между украинцами, белорусами, евреями и русскими, как правило, самоопределялись в качестве русских⁴¹. Таким образом, как таковая распространенность межнациональных браков свидетельствует об интенсивном процессе взаимной ассимиляции в рамках Союза между русскими и представителями иных национальностей (подтверждается тезис Д. Горовица о том, что сокращение культурной дистанции обуславливает увеличение числа межнациональных браков⁴²). Уменьшение культурной дистанции между различными национальностями можно объяснить еще и тем, что, как отметил В.А. Тишков, подобно другим народам, расселенным на очень протяженной территории, атрибуты «русской» идентичности в Советском Союзе были очень общими и примерными. Культурная дистанция между различными географическими группами русских (например, между проживающими на Русском Севере и на Кавказе) могла быть более значительной, чем между контактирующими на протяжении длительного периода русскими и представителями локальных национальных групп⁴³.

Распад СССР «поставил вопрос об определении демоса каждой из бывших союзных республик, и групповые характеристики, присущие национализму, дали самый мощный инструмент для идентификации»⁴⁴. Создание новой мифологии в

³⁸ Pain E. The Legacy of Strife: An Outlook for Inter-Ethnic Relations // *Vestnic*. 1992. March.

³⁹ Brubaker R. Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutional Account // *Theory and Society*. 1994. Vol. 23. No. 1. P. 47-78.

⁴⁰ Hosking. *Rulers and Victims* ... P. 322.

⁴¹ Сусоколов А.А. Межнациональные браки в СССР. М., 1987.

⁴² Horowitz D.L. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley, Los Angeles, L., 1985. P. 40

⁴³ Тишков В.А. Что есть Россия? (перспективы нации-строительства) // *Вопросы философии*. 1995. № 2. С. 51.

⁴⁴ Nodia G. Nationalism and Democracy // *Nationalism, Ethnic Conflict, and Democracy* / Eds. L. Diamond, M.F. Plattner. Baltimore, L., 1994. P. 3-22.

постсоветских государствах предполагало отказ от русской культуры, «пророссийской» версии истории и, наконец, русского языка. Вопреки формуле о том, что «нация – это ежедневный плебисцит», жители бывших союзных республик оказались в реальности выстраивания национального государства, когда границы демоса были ограничены границами титульного этноса (теми, кто принимал этнонационалистическую идеологию и мифологию), а попытка федерализации рассматривалась как сепаратизм. В свою очередь, Российская Федерация, будучи единственной из постсоветских республик федерацией, зафиксировала – пусть и посредством не вполне успешного термина – многонациональный народ (фактически обозначавший, как уже неоднократно говорилось, многонародную российскую нацию) – свою гражданскую суть, оставляющую пространство для возможного этнического и религиозного своеобразия. При этом российская гражданская нация во многом основывалась на советской культурно-ценностной общности (символами которой являлись победа граждан Советского Союза в Великой Отечественной войне, достижения советской науки, космонавтики, спорта, советское искусство, выросшее из наследия российских классиков). Справедливыми в этом отношении представляются слова В.А. Тишкова, что за время существования СССР сложилась общесоветская идентичность и историко-политическая общность, при которой «идеология советского патриотизма и доктрина единого советского народа заменяла доктрину гражданской нации»⁴⁵.

После 1991 г. актуализировалась проблема превращения русских из этноса, системообразующего в социально-экономическом, культурно-языковом и политическом плане на пространстве всего Союза, лишь в лидирующую по численности этническую группу одной из бывших союзных республик (то есть РФ). По мнению Э.А. Паина, после распада СССР русские из «имперского меньшинства», т.е. нестандартного (*unusual*), превратились в обычное (*ordinary*) «этническое меньшинство», пребывающее в государстве проживания в численном меньшинстве, не доминирующее политически, отличающееся от основного населения по своим этническим, языковым, конфессиональным и прочим характеристикам и связанное чувством внутригрупповой солидарности, направленным на сохранение своей культуры, языка и традиций⁴⁶.

В схожем положении оказались и русскоязычные жители постсоветских республик, перед которыми встала проблема невозможности интеграции в близкую им лингвистическую, социально-политическую, культурную и ценностную систему. То есть разделенной оказалась советская нация – русскоязычные жители Крыма, Донбасса, северных областей Казахстана, востока Эстонии, проживающие на территории своей фактической Родины оказались вне своего цивилизационного Отечества. «Цивилизационным отечеством» для таких групп стала Рос-

⁴⁵ Тишков В.А. *Нация — это метафора* // Дружба народов. 2000. № 7.

⁴⁶ Payin E. *The Disintegration of the Empire and the Fate of the «Imperial Minority»* // *The New Russian Diaspora. Russian Minorities in the Former Soviet Republics* / Ed. V. Shlapentokh, M. Sendich, E. Payin. N.Y., 1994. P. 21–25.

сийская Федерация – согласно принципу континуитета, РФ является не правопреемником⁴⁷, а государством-продолжателем СССР⁴⁸. Причем, готовность принять ответственность не только за тех, кто ощущал близость к советской гражданской идентичности, но и за всех бывших граждан СССР закреплена в ФЗ № 62 «О гражданстве Российской Федерации» (от 31 мая 2002 г.), предусматривающем упрощенный порядок приема в гражданство Российской Федерации для лиц, которые «имели гражданство СССР, проживали и проживают в государствах, входивших в состав СССР, не получили гражданства этих государств и остаются в результате этого лицами без гражданства», а также для лиц, которые «являются гражданами государств, входивших в состав СССР, получили среднее профессиональное или высшее профессиональное образование в образовательных учреждениях Российской Федерации после 1 июля 2002 г.» или «родились на территории РСФСР и имели гражданство бывшего СССР»⁴⁹.

Ввиду того, что русские и русскоязычные не по своей воле оказались гражданами чуждых по своим социо-культурным парадигмам государств, группы этнических русских и русскоязычных нельзя назвать диаспорой – на момент разделения оказавшиеся вне пределов близкого цивилизационного дискурса граждане постсоветских республик были разделенной нацией, носителями общей цивилизационно-культурной идентичности. Аналогичного взгляда на проблему придерживается и М.В. Стрежнева, говоря, что этнических русских и тех, кто считает себя русскими по признаку принадлежности к русскому языку и русской культуре, можно считать разделенной нацией⁵⁰. Российскую нацию как возникшую общность русскоязычных определяет Н. Мелвин⁵¹. Т.В. Полоскова в данном контексте верно отмечает, что часть представителей русских общин за рубежом составляют народы, проживающие в России, не имеющие своих титульных государств, самоидентифицирующие себя как «русские», но по объективным этнохарактеристикам таковыми не являющиеся (татары, финно-угорские народы и т. п.), хотя и использует для определения этой общности не вполне корректный термин «российская диаспора»⁵². Некорректно утверждение, что распад Советского Союза привел к возникновению за пределами России русскоязычной общины – скорее после 1991 г. в постсоветских республиках появилось минимум 14 про-

⁴⁷ Тогда как правопреемниками, согласно Договору 4 декабря 1991 г., заключенному накануне образования СНГ, являются государства - бывшие союзные республики, и только РФ «унаследовала» от СССР постоянное членство в Совете Безопасности ООН, других международных организациях, а также статус мировой державы.

⁴⁸ Межуев Б.В. Бремя континуитета // Электронная версия журнала «Россия в глобальной политике», 6 мая 2005 г. <http://www.globalaffairs.ru/articles/4019.html>.

⁴⁹ ФЗ № 62 «О гражданстве Российской Федерации» // Актуальная версия Федерального закона доступна на официальном интернет-ресурсе ФМС: http://www.fms.gov.ru/documents/grazhdanstvo/Pdf/fz_62.pdf.

⁵⁰ Стрежнева М.В. ЕС и СНГ: сравнительный анализ институтов. М., 1999.

⁵¹ Melvin. Russians Beyond Russia. P. 5.

⁵² Полоскова Т.В. Современные диаспоры: внутривнутриполитические и международные аспекты. М., 1999. С. 26.

российски настроенных общин, обладающих различными характеристиками численности (и доли в составе населения каждой из постсоветских республик), степени сплоченности, социального состава, культурной дистанции между представителями нетитульного населения и титульной нации, компактности расселения и степени социально-экономической и политической «укорененности» на данной территории и, что немаловажно, политики государства проживания по отношению к данной группе⁵³. О некорректности применения к данной общности категории «диаспора» сказано выше, в свою очередь квалифицировать разделенную нацию как российскую нельзя, поскольку «русское зарубежье» слабо интегрировано в контекст существования современного российского общества. Скорее в 1991 г. разделена оказалась советская нация, которая к сегодняшнему дню превратилась в объединенную соответствующими мифологемами и ценностями постсоветскую. Возникшая после распада Советского Союза общность стала следствием разрушения культурных (советских), а не этнических границ, или, говоря словами Ф. Барта, следствием разрушения «культурных границ, у которых были территориальные эквиваленты»⁵⁴.

О том, что советская система ценностей обладает достаточно мощным объединительным потенциалом, свидетельствует, например, появление в начале 1990-х гг. так называемых Интерфронтов, объединявших людей, ориентированных на сохранение советской системы, консолидированных русским языком и ощущением близости к русифицированной культуре. И.Е. Кудрявцев говорит, что в основу «советской культуры был положен созданный в Романовской России в процессе колонизации "иностранцев" сверх-упрощенный, адаптированный для массового сознания, протез русской культуры. На эту основу в советское время была положена масса идеологических установок (очевидно, взамен "устаревших", отброшенных моральных и религиозных ценностей)»⁵⁵. Как отмечает И.А. Зевелёв, дети от смешанных браков, люди, пустившие корни вдали от своих «исторических родин», русские из крупных городских центров оказались наиболее восприимчивы к концепции «советского народа». Русские принимали ее более охотно, чем другие этнические группы, потому что во всем Советском Союзе понятие «советский человек» косвенно подразумевало русскоязычность, а также признание «цивилизующей» миссии русской культуры и ее экстратерриториального характера⁵⁶.

Сегодня, спустя почти 20 лет после исчезновения СССР, наибольшим консолидирующим потенциалом, в частности, в российском социуме, являются совет-

⁵³ Kolsto P. Territorialising Diasporas: The Case of Russians in the Former Soviet Republics // *Millennium*. 1999. Vol. 28. No. 3. P. 616.

⁵⁴ Барт Ф. Введение // *Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий*. Сб. статей / Под ред. Ф. Барта. М., 2006. С. 15.

⁵⁵ Кудрявцев И.Е. Люди интерфронта // *Панорама*. 1989. № 8. С. 7.

⁵⁶ Зевелёв И.А. Будущее России: нация или цивилизация? // *Россия в глобальной политике*. 2009. № 5. С. 90.

ские маркеры идентичности. Согласно результатам исследования Института Социологии РАН, атрибуты гражданской идентичности россияне в настоящее время в основном «черпают» в советском прошлом страны: прежде всего, это победа советского народа в Великой Отечественной войне (67%). Еще у 61% опрошенных чувство гордости вызывает восстановление советским народом страны после Великой Отечественной войны. Среди «пятерки» основных достижений – успехи советской космонавтики (54%) и первый полет в космос Юрия Гагарина (42%). Более половины (56%) опрошенных гордятся также российскими поэтами, писателями, композиторами. Учитывая, однако, что общемировую славу снизили в первую очередь поэты, писатели и композиторы XIX – начала XX вв., можно смело говорить, что и здесь к числу духовных ценностей современного российского гражданина должно быть отнесено наследие предшествовавших культурно-исторических эпох. В немалой степени успехами советской эпохи объясняется и то, что более чем четверть респондентов (26%) гордятся достижениями российских спортсменов⁵⁷. В свою очередь М. Рябчук считает «советскость» главным критерием структурирования русскоязычного населения Украины, утверждая, что «в постсоветских государствах, скорее, русскоязычных с советским менталитетом, чем этнических русских, следует считать единой социальной (культурной) общностью»⁵⁸. То есть свое подтверждение находит мысль Р. Брубейкера о том, что объединяющая идея для постсоветских общностей, представители которых лояльны современной России, базируется не на этническом, но на гражданском и культурном энтузиазме. Столь высокий энтузиазм в отношении советских маркеров идентичности, по нашему мнению, обусловлен тем, что именно в советский период сформировались конкретные символы гражданской общности.

Сравнивая характеристики населения, сформировавшегося после распада Советского Союза и Веймарской Германии, Р. Брубейкер отмечал, что если Веймарская Германия ориентировалась на интеграцию всех, кто этнокультурно отождествлял себя с немцами, но не был гражданином Германии, то в России отсутствовало и отсутствует общеразделяемое представление о том, кто именно нуждается в защите со стороны этнокультурной Родины⁵⁹.

Попытки поиска термина для комплексного определения групп, проживающих в бывших советских республиках этнически русских и тех, кто ощущает свою сопричастность к условно русской идентичности, предпринимались с начала 1990-х гг. Термин «национальное меньшинство» был отвергнут как подразумевавший, что «условно русское» меньшинство является населением соответствующих республик, и, значит, у России нет прав на его защиту. В свою очередь, тер-

⁵⁷ Российская идентичность в социологическом измерении. Информационно-аналитический бюллетень Института Социологии Российской Академии Наук. 2008. № 3. М., 2008.

⁵⁸ Рябчук М. Кто самая крупная рыба в украинском пруду (Новый взгляд на отношения меньшинства и большинства) // Диаспоры. 2002. № 2. С. 7.

⁵⁹ Брубейкер. «Диаспоры катаклизма» ... С. 30.

мин «граждане России» не мог быть использован, поскольку в юридическом смысле он обозначал владельца паспорта гражданина РФ, в то время как к весне 1997 г. большая часть русскоязычных жителей бывших союзных республик получили гражданство суверенных государств⁶⁰. В настоящее время, как правило, говорится о необходимости отстаивания интересов нескольких социо-культурных групп: русских по этническому и опосредовано – по этнокультурному признаку, и ассоциирующих себя с Россией русскоязычных. С опорой на полиэтничность населения России время от времени для обозначения совокупности людей, ассоциирующих себя с Россией, употребляется понятие «россияне» (как правило, для определения населения, проживающего на территориях, исторически воспринимавшихся как российские). Четвертое понятие – «соотечественники», т.е. люди, у которых с россиянами общее отечество. Несмотря на значительную смысловую неопределенность, именно этот термин стал наиболее употребительным для обозначения части населения постсоветских республик, ощущающей близость к России и нуждающейся в ее помощи. Как в данной связи отмечает французский исследователь М. Ларюэль в своей статье «"Русская диаспора" и "российские соотечественники"», хотя понятия «соотечественник» касалась большая часть терминологических споров, именно он стал наиболее широкоупотребимым. По словам исследователя, причиной популярности категории «соотечественники» стало то, что «данный термин призван носить нейтральное значение и указывать на гражданскую, а не этническую, сущность нации»⁶¹.

Первым документом, закрепившим употребление категории «соотечественники», стала «Декларация прав российских соотечественников», принятая 30 января 1994 г. Конгрессом русских общин. В Декларации указывается, что «соотечественниками признаются:

а) каждый человек, постоянно проживавший на территории Союза ССР и являвшийся гражданином СССР, если он считает своим родным языком русский язык;

б) каждый человек, являвшийся гражданином СССР и постоянно проживавший на его территории, если он считает себя принадлежащим к русской цивилизации, и добровольно не отказавшийся от этого гражданства;

в) потомки указанных лиц»⁶².

Также в документе указывается, что соотечественники имеют «право на единое Отечество (...) сохранение, продолжение и развитие единой российской государственности (...) сохранение условий на территориях Отечества, обеспечивающих свободное использование русского языка в качестве официального (...)

⁶⁰ Kolsto. *Territorialising Diasporas* P. 620.

⁶¹ Ларюэль М. «Русская диаспора» и «российские соотечественники» // *Демократия вертикали*. М., 2006. С. 199.

⁶² Декларация прав соотечественников. Принята на Втором всемирном Конгрессе русских общин, Москва, 29–30 января 1994 г. http://www.rau.su/observer/N18_94/18_21.htm.

право на сохранение, развитие и продолжение русской национальной системы дошкольного, школьного, технического и иных видов и уровней образования»⁶³.

В том же 1994 г. для реализации концепции «соотечественников» был создан Комитет ГД по делам СНГ и соотечественников за рубежом, принят Указ Президента РФ № 1681 «Об основных направлениях государственной политики РФ в отношении соотечественников, проживающих за рубежом»⁶⁴, а также Постановление Правительства РФ № 1064 «О мерах по поддержке соотечественников за рубежом», а в 1999 г. принят ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»⁶⁵.

В текстах Указа Президента № 1681 «Об основных направлениях государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом» (от 11 августа 1994 г.) и парламентской «Декларации о поддержке российской диаспоры и о покровительстве российским соотечественникам» (от 9 декабря 1995 г.) «соотечественники» понимались еще более абстрактно – как «(...) все выходцы из Союза ССР и России и их прямые потомки независимо от национальной и этнической принадлежности, языка, вероисповедания, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств, не являющиеся гражданами Российской Федерации и заявившие явным образом о своей духовной или культурно-этнической связи с Российской Федерацией или любым из субъектов Российской Федерации и подтвердивших эту связь»⁶⁶.

Более точно «соотечественники за рубежом» были определены в ч.1 ст.1 ФЗ №99 «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (от 24 мая 1999 г.) как «лица, родившиеся в одном государстве, проживающие либо проживавшие в нем и обладающие признаками общности языка, религии, культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии»⁶⁷. В категорию «соотечественники за рубежом» включены граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за пределами страны; лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получившие гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства; выходцы или эмигранты из Российской империи, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской

⁶³ Там же.

⁶⁴ Дипломатический вестник. 1994. № 19-20. С. 39-42.

⁶⁵ Дипломатический вестник. 1996. № 6. С. 32-37. Надо отметить, что одной из задач государственной политики, отраженной в данных документах, как и в Указе Президента № 940 от 14 сентября 1995 г. «Об утверждении стратегического курса РФ с государствами - участниками СНГ» и разработанной «Программе мер по поддержке соотечественников за рубежом», является содействие как их интеграции в политическую, социально-экономическую жизнь новых независимых государств, так и предотвращение массового исхода представителей русскоязычного населения в Россию.

⁶⁶ Декларация о поддержке российской диаспоры и о покровительстве российским соотечественникам. http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_35720.html.

⁶⁷ ФЗ № 99 «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24.05.1999 г. <http://www.russiancompatriots.com/documents/view/45/>.

Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства; потомки лиц, принадлежавших к вышеуказанным группам, за исключением потомков лиц титульных наций иностранных государств.

Можно однозначно отметить закрепленный в официальных документах гражданский, а не этнический характер категории «соотечественник». Что, в частности, было зафиксировано в финальном заявлении Совета соотечественников 1995 г.: «российскими соотечественниками признаются лица, считающие себя таковыми и принадлежащие к народам и национальностям, не имеющим нигде за пределами России возможности национально-государственного самоопределения»⁶⁸. Таким образом, соотечественниками считаются проживающие за границей представители этнонациональных групп, обладающие административно-территориальной автономией в рамках Российской Федерации (например, народы Сибири, Северного Кавказа и т.д.). При этом в число возможных соотечественников не входят представители этнонациональных групп, создавших независимые государства (азербайджанцы, казахи, армяне, и т.д.): например, гражданин Азербайджана, азербайджанец по национальности, не будет считаться «российским соотечественником» (даже если русский язык и культура для него единственно близкие). Однако обратной стороной подобной трактовки оказывается фактическая возможность считать соотечественником любого индивида, ощущающего свою цивилизационную близость не просто с РФ, но с каким-то из ее субъектов.

В пользу гражданского понимания категории «соотечественник» свидетельствует и то, что в действующей в России программе «О добровольном переселении в Россию соотечественников, проживающих за рубежом», утвержденной Указом Президента Российской Федерации № 637 от 22 июня 2006 г., четко указывается на то, что к участию в программе переселения в 12 «пилотных» регионах приглашаются «воспитанные в традициях российской культуры, владеющие русским языком соотечественники, в наибольшей мере способные к адаптации и скорейшему включению в систему позитивных социальных связей российского общества»⁶⁹.

Несмотря на очевидно гражданскую трактовку, категория «соотечественник» не только в бытовом, но и в официальном дискурсе достаточно часто употребляется неоднозначно: как следует из представленного Департаментом международных связей Правительства Москвы заявления Всемирного конгресса российских соотечественников при Правительстве Москвы, последний намерен интенсифицировать работу объединений соотечественников «во имя сохранения этнической идентичности, национальной самобытности, духовного и культурного наследия

⁶⁸ От съезда до конгресса соотечественников. Алматы, 2003. № 1.

⁶⁹ Основные цели и принципы Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 года № 637. <http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds>.

российского народа»⁷⁰, не уточняя, однако, в какой форме должна реализовываться этническая идентичность или самосознание российского народа, при том, что в Конституции РФ постулируется его «многонациональный характер». К.Ф. Затулин в одном из официальных посланий 2000 г. министру по делам Федерации и национальной политики А.В. Блохину заявлял, что задачей Института стран СНГ является защита «русского», а не «российского» населения в странах ближнего зарубежья⁷¹. С другой стороны, К.Ф. Затулин в пояснительной записке по поправкам к проекту ФЗ № 111764-4 «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» апеллировал скорее к гражданской идентичности «соотечественников»: «наши соотечественники, граждане государств, на территории которых они проживают, остаются "кровно связаны" с Россией, где они родились и где похоронены их предки»⁷². Впрочем, подобная нечеткость суждений К.Ф. Затулина может быть обусловлена его личной непоследовательностью в вопросе «соотечественников» и мало отражать позицию официальной дипломатии.

Принятие официальным российским руководством «узко этнической» трактовки категории «соотечественник» в принципе невозможно, поскольку это поднимет вопрос, является ли Россия многонациональным государством или государством преимущественно этнических русских. Этническое «русское» понимание категории «соотечественники» невозможно еще и потому, что в российском правовом поле отсутствует термин «русский народ» (единственное официальное упоминание категории встречается в принятой в 1996 г. «Концепции государственной национальной политики РФ», не являющейся ФЗ, где русский народ определялся как «опора российской государственности»).

Традиционно для обозначения нуждающихся в защите носителей пророссийской идентичности также употребляется не менее абстрактное понятие «Русский мир» (предполагающее возможность консолидации представителей различных волн эмиграции)⁷³. Как следует из информации, представленной на официальном сайте одноименного фонда, «Русский мир – это не только русские, не только россияне, не только наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубе-

⁷⁰ Москва: представители 50 стран мира примут участие во Второй конференции Международного совета российских соотечественников // Официальный сайт Правительства Москвы. Департамент международных связей. <http://moskvaimir.mos.ru/dms/activity/support/news/3665.html>.

⁷¹ «Правительственная Комиссия по делам соотечественников за рубежом: вопросы остаются» // Материк. 2000. № 16. <http://www.zatulin.ru/institute/sbornik/016/11.shtml>.

⁷² Пояснительная записка по поправкам к проекту ФЗ № 111764-4 «О внесении изменений в Федеральный закон "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию" и в Федеральный закон "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации"» // Материк. 2005. № 116. <http://www.materik.ru/index.php?section=analitics&bulid=102&bulsectionid=9431>.

⁷³ Авторство концепции «Русского мира», базирующейся на гипотезе о наличии на постсоветском пространстве общего социокультурного ядра, принадлежит П.Г. Щедровицкому (Культурное многообразие - ресурс постиндустриального развития. Интервью П. Щедровицкого // Русский архипелаг. Ноябрь 2003. http://www.archipelag.ru/geoculture/new_ident/multiculture/multiformity).

жья, эмигранты, выходцы из России и их потомки. Это ещё и иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, все те, кто искренне интересуется Россией, кого волнует её будущее»⁷⁴. В монографии *Международный опыт защиты соотечественников за рубежом: мировая и отечественная практика* «Русский мир» определяется как «этнокультурный феномен, объединяющий людей разных национальностей и конфессий», однако не поясняется, каким образом категория «русский» сочетает в себе многонациональность и поликонфессиональность⁷⁵. Таким образом, как и категория «соотечественники», категория «русский мир» на практике оказалась очень широкой, объединяющей этнически русских граждан постсоветских республик, а также эмигрантов из России и их потомков, ощущающих причастность к России.

Несмотря на частое декларирование представителями экспертного сообщества, в частности В.Т. Третьяковым, точки зрения о том, что «как показал и опыт немецкого народа, неизбежным является и воссоединение русского народа»⁷⁶, вопрос о решении проблемы разделенности советской нации очень сложен. Прежде всего потому, что с момента распада Советского Союза минуло уже 20 лет, и, по словам Н. Мелвина, с разрушением советской имперской системы стала исчезать «историческая связь между "обрусевшими переселенцами" и политическим центром, находящимся в России»⁷⁷. Сегодня в принципе происходит постепенное размывание советской идентичности и превращение русского языка в единственный атрибут общности, и в такой ситуации весьма вероятен постепенный отказ от сохранения самоидентификации с Россией как Родиной. Такая тенденция сегодня уже достаточно сильна – с одной стороны, потому, что, по словам основателя «Русского общества им. А. Пушкина» во Львове С.А. Сокурова, те, кого называют «соотечественниками за рубежом» «не дружны, энергию растрачивают на "внутривидовое" соперничество, что ярко проявляется в Крыму, где в каждом "борце за свободу Крыма" классической русскости больше, чем у новоросса»⁷⁸. Аналогичной точки зрения придерживается А.А. Князев, отмечающий, что у этнических русских и русскоязычных, проживающих в республиках бывшего Советского Союза, «нет внутреннего стимула, потребности к самосохранению», отсутствуют соответствующие организационные формы реализации этой потребности, «а существующие являются скорее имитацией, обеспечивающей необходимый социальный статус активистам, большинство из которых составляет группу так называемых "профессиональных соотечественников", рекрутируемых по стечению ряда обстоятельств преимущественно из числа социальных неудачни-

⁷⁴ <http://www.ruskiymir.ru/ruskiymir/ru/fund/about>.

⁷⁵ Мурадов Г.Л., Полоскова Т.В. и др. *Международный опыт защиты соотечественников за рубежом: мировая и отечественная практика*. М., 2002. С. 236.

⁷⁶ Третьяков В.Т. *Русский вопрос на фоне Берлинской стены: мультимедийный информационный портал «Mixnews»*. 21 декабря 2009 г.

⁷⁷ Melvin. *Russians: Diaspora and the End of Empire*. P. 54.

⁷⁸ Сокуров С.А. *Прорусское и пророссийское на Украине // Русская идентичность на постсоветском пространстве / Под ред. С.Ю. Пантелеева*. М., 2008. С. 53.

ков»⁷⁹. С другой стороны, по мнению того же эксперта, часто русские и русскоговорящие жители постсоветского пространства происходят из этнически смешанных семей, и не всегда передают своим потомкам «российскую идентичность»⁸⁰.

По информации Государственного комитета статистики Украины, по данным переписи 2001 г. численность русских сократилась с 11,4 млн. (1989 г.) до 8,3 млн., то есть более чем на четверть⁸¹. По данным Российского института стратегических исследований, основной причиной тому стала не иммиграция, а ассимиляция⁸². Хотя нельзя исключать возможности фальсификации, тем не менее тенденция к сокращению на Украине «пространства русских» очевидна⁸³.

Схожие тенденции сокращения «русского пространства» были зафиксированы в Белоруссии и Казахстане. По данным переписи 1999 г., за десять лет доля русских сократилась с 13,2% до 11,4% (на 200,4 тыс. чел.), а доля белорусов выросла с 77,9% до 81,2%⁸⁴. 17 тыс. из более чем двухсоттысячного показателя сокращения русского населения Белоруссии – миграционная убыль в обмене населением с РФ, 30–40 тыс. – естественная убыль (превышение смертности над рождаемостью), но основной причиной уменьшения числа русских в Белоруссии является их ассимиляция, та ситуация, когда белорусская идентичность вытесняет русскую. Схожей оказалась ситуация в Казахстане, где, согласно данным переписи 1999 г., количество русских за 10 лет сократилось на 1,5 млн. человек. Хотя основной причиной подобного явления стала миграционная убыль при обмене населением в 1989–1998 гг. с Россией (1 млн. чел.) и другими государствами (около 100 тыс. чел.), сокращение еще на 250–300 тыс. было обусловлено естественной убылью, произошла ассимиляция 200–150 тыс. чел. (если раньше дети из русско-казахских браков определялись русскими, после распада СССР возобладала тенденция самоопределения казахами).

По словам Д.А. Фурмана, движения компактно проживающих на территории союзных республик русских и «русскоязычных» возникают под «интернационалистически»-советскими лозунгами (как разного рода «интерфронты» и «интердвижения»), которые по мере распада СССР и после него переходят в лозунги русско-националистические и ирредентистские. Но «эти русские ирредентистские движения относительно слабы – национальное чувство россиян слабее, чем у маленьких сплоченных народов, вроде абхазов и чеченцев, у русских всегда есть возможность переезда в Россию, и Россия, понимая, что территориальные

⁷⁹ Князев А.А. Организационные проблемы русских общин в Центральной Азии // Русская идентичность на постсоветском пространстве / Под ред. С.Ю. Пантелеева. М., 2008. С. 78.

⁸⁰ Сокуров. Прорусское и пророссийское на Украине. С. 51.

⁸¹ Информация предоставлена Государственным комитетом статистики Украины. <http://www.ukrstat.gov.ua>.

⁸² Российский институт стратегических исследований // Российский вектор: информационно-аналитический бюллетень. 2003. № 1(14). <http://www.riss.ru/library/vektor1-2003.pdf>.

⁸³ Гордеев Д.А. Всеукраинская перепись населения в освещении СМИ и русский вопрос // Left.ru. <http://left.ru/2003/8/gordeev84.html>.

⁸⁴ Тульский М.О. Истинное лицо демографической катастрофы // Независимая газета. 2001. № 130. С. 5. http://www.ng.ru/cis/2001-07-19/5_true_face.html.

претензии к соседям означают полный распад СНГ как зоны российского влияния и чреватые крупными международными проблемами, скорее готова поддержать в бывших союзных республиках нерусский, чем русский сепаратизм»⁸⁵.

Одновременно в массовом представлении россиян происходит замена смыслов – за счет этнизации гражданской мифологии, когда «своими» начинают считаться не культурно или цивилизационно, но этнически близкие. Данная тенденция находит свое отражение в общественном мнении – так, согласно результатам опроса ВЦИОМ, россияне старшего поколения соотечественниками чаще называют всех граждан бывшего СССР вне зависимости от национальности (41% среди опрошенных в возрасте 60 лет и старше), в то время как для молодежи в возрасте 18–24 лет соотечественники – это русские (в 44% ответов), проживающие на территории ближнего и дальнего зарубежья (вероятно, без учета фактора активной лояльности)⁸⁶.

Кроме того, российское руководство четко демонстрирует отказ от активных действий по решению проблемы статуса русскоязычных на постсоветском пространстве. В частности, Э.А. Паин, будучи в 1995 г. заместителем начальника Аналитического управления Президента РФ, заявил, что «в государственной внешней политике идея разобщенности народа всегда используется для воссоединения земель. У России такой политики нет»⁸⁷. Российское руководство достаточно четко и однозначно обозначило свою позицию, что не Российская Федерация, а сами соотечественники, ощущающие свою связь с Россией, являются источником собственного самоопределения – в октябре 2001 г., на первом Конгрессе соотечественников, В.В. Путин заявил: «Соотечественник – категория далеко не только юридическая (...). Это, в первую очередь, вопрос личного выбора. Вопрос самоопределения. Я бы сказал точнее – духовного самоопределения»⁸⁸. Хотя данное заявление, в интерпретации М. Ларюэль, было сделано ввиду необходимости нивелировать возможное недовольство представителей сопредельных государств гипотетической готовностью Москвы нарушить их суверенитет, но одновременно поддержать русскоязычное население постсоветских республик⁸⁹, тем не менее официальная российская позиция очевидна. Наконец, в современной России набирают силу националистические движения, участники которых трактуют категорию «русский» в примордиальном смысле, не оставляя пространства для понимания русскости в этнокультурном смысле.

⁸⁵ Фурман Д.А. Молдавские молдаване и молдавские румыны (Влияние особенностей национального сознания молдаван на политическое развитие Республики Молдова) // Научные тетради института Восточной Европы / Ред. А.Л. Погорельский; изд. В.В. Анашвили. Вып. 2: Молдавия / Ред. Д.Е. Фурман. М., 2008. С. 57.

⁸⁶ Результаты опроса ВЦИОМ, проведенного 8-9 июля в 46 регионах России. 24.07.2006.

⁸⁷ Российские вести. 16 декабря 1995.

⁸⁸ Президент России В.В. Путин. Национальный успех России должен стать нашим общим успехом... Выступление на конгрессе соотечественников в Москве, 2001 // Русский мир. 2001. № 4. <http://www.russkymir.ru/out.php?cat=15&did=384>.

⁸⁹ Ларюэль. «Русская диаспора» и «российские соотечественники». С. 185-212.

Получается, что единственным объединяющим фактором является русский язык – об этом говорят многие исследователи: «современный русский язык (...) не "язык русских" и "русского этноса", а язык экономического, культурного и коммуникативного пространства Российской империи, а позже СССР (...). Для неславянских народов Российской империи и СССР русский язык был языком науки, индустриального производства, медицины, высшего образования – языком индустриальной и постиндустриальной цивилизации»⁹⁰. Е.И. Пивовар отмечает, что все последнее столетие русская наука и культура служили как для украинцев, белорусов, так и для других наций и национальностей, населявших СССР, реальным проводником социального опыта и научно-технических достижений⁹¹. Но и этот фактор интеграции не только носителей постсоветской идентичности, но и всего постсоветского пространства постепенно теряет значимость – сказываются последствия политики формирования постсоветскими государствами собственной национальной идентичности в том числе за счет отказа от русского языка в пользу национального. Под данным мониторингового исследования ЦИРКОН, при определенной стабильности только за период с 2005 по 2008 гг. обозначился тренд понижения распространенности использования русского языка для личного общения – в Белоруссии с 74% до 70% сократилась доля тех, кто общается в семье, дома на русском языке, в Казахстане – с 51% до 46%, но особенно это характерно для Украины (с 49% до 35%), где на эту динамику сильно повлияла языковая политика команды В.А. Ющенко⁹².

Таким образом, можно резюмировать следующее. Прежде всего, говоря о жителях постсоветских республик, воспринимающих Россию как свое цивилизационное отечество, необходим отказ от сведения их только к русским – их идентичность не основана на этнических маркерах. Напротив, обоснованно говорить о разделении в 1991 г. советской общности, идентичность представителей которой основана на гражданских, цивилизационно-культурных маркерах, хотя и во многом при участии русской культуры и на базе русского языка.

Официальная позиция Российской Федерации по отношению к гражданам постсоветских республик, оказавшимся вне пределов своего цивилизационного отечества, предполагает их стремление к консолидации со своей цивилизационной родиной, нежели с этнической группой (русскими). Однако ретранслирование популистского тезиса о разделении русского народа привело к закреплению в общественном сознании россиян представления о необходимости защиты России

⁹⁰ Орлов А.Д. Интеграционный потенциал русского языкового пространства // Постсоветское пространство. Стратегии интеграции и новые вызовы глобализации / Под ред. А. Н. Быкова. СПб., 2009. С. 95.

⁹¹ Пивовар Е.И. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк. Российский гос. гуманитарный ун-т. СПб., 2008. С. 145.

⁹² Русский язык на постсоветском пространстве: сравнительное исследование распространенности. Аналитический отчет, март 2009 г. // АНО «Социологическая мастерская Задорина» (Исследовательская группа ЦИРКОН). <http://www.zircon.ru/upload/File/russian/publication/1/090311.pdf>.

ей права на идентичность только этнических русских постсоветских республик. Тогда как к современной России представители постсоветской общности тяготеют как к преемнику и продолжателю Советского союза, носителю наднациональной системы ценностей. Кроме того, далеко не все этнические русские постсоветских республик стремятся к России – многие весьма успешно интегрировались в гражданскую общность государств проживания.

На сегодняшний день очевидно размывание системы ценностей постсоветской общности, ввиду отсутствия у ее представителей эффективного механизма воспроизводства идентичности. Проводимая постсоветскими государствами суверенизация обуславливает ассимиляцию их жителей и ведет к превращению русского языка в единственный объединяющий элемент постсоветской общности, да и тот постепенно вытесняется в личном общении национальными языками.